

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН МЕТОДАМИ ПОПУЛЯЦИОННОЙ ГЕНЕТИКИ

Александр Литвинский

Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

litvinski@inbox.ru

В данной статье рассматриваются методологические аспекты применения методов популяционной генетики в исследовании происхождения славян. Обращается внимание на инновационность данных методов в контексте историографии проблемы. Делается попытка определения перспектив и границ возможностей этих методов с указанием на имеющие место трудности методологического характера.

Ключевые слова: *славяне, методология, этногенез, этнос, популяционная генетика, междисциплинарность, научные перспективы.*

POSSIBILITIES OF STUDYING THE ORIGIN OF THE SLAVS BY METHODS OF POPULATION GENETICS

Aliaksandr Litvinski

Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus

This article discusses the methodological aspects of applying the methods of population genetics in the study of the origin of the Slavs. Attention is drawn to the innovativeness of these methods in the context of the historiography of the problem. An attempt is made to determine the prospects and limits of the possibilities of these methods, indicating the difficulties of a methodological nature.

Key words: *Slavs, methodology, ethnogenesis, ethnos, population genetics, interdisciplinarity, scientific perspectives.*

Для осведомлённого читателя не будет неожиданностью утверждение о междисциплинарном характере исследований в области этногенеза славян. Скорей уж это утверждение можно назвать банальным. Рассматриваемая проблема еще в XIX в. переросла границы исторической науки, по крайней мере, с того периода когда громко и властно заявило о своих амбициях сравнительно-историческое языкознание (компаративистика). Также к решению этой проблемы подключились в своё время этнографы и этнологи. Да и в области исторической науки предъявила свои права если не на полную самостоятельность, то на весьма широкую автономию археология с её специфическими методами.

Как бы то ни было, но долгое время изыскания в данном направлении не выходили за рамки гуманитаристики. Естественнонаучный аспект был представлен довольно скромно и сводился, за редким исключением, к анализу природных характеристик предполагаемого ареала расселения славян, а также артефактов материальной культуры, который проводился в рамках исторической географии, археологии и этнографии. Ситуация начала меняться примерно с середины XX в., когда проблемами этногенеза в целом и славянского в частности стали достаточно активно заниматься антропологи (имеется ввиду физическая антропология, в рамках которой человек рассматривается в первую очередь как биологический вид). Анализируя человеческие останки, прежде всего, краниологические материалы, найденные археологами, антропологи делали выводы о составе населения того или иного региона в тот или иной исторический период и его биологических характеристиках.

При этом они присущими своей науке методами стремились ответить на вопросы о том, являлось ли население на определённой территории и в определённое время автохтонным или пришлым (при всей условности и относительности этих понятий), какой характер имели контакты между различными сообществами, и на иные подобные вопросы. В качестве примера научного труда, до сих пор имеющего большое значение, можно привести исследование советского антрополога Т. И. Алексеевой [1].

Собственно исследования в области популяционной генетики человека и в контексте этногенеза, в том числе славянского, развернулись, если можно так выразиться, на полную мощь ближе к концу XX в. На постсоветском пространстве наибольшую известность и даже популярность, по нашим наблюдениям, получили российские генетики, авторы многочисленных работ мать и сын Е. В. Балановская и О. П. Балановский. Не сказать, чтобы проблема происхождения славян была для них приоритетной, однако они уделили ей должное внимание.

Пожалуй, в достаточно концентрированном виде результаты исследований О. П. Балановского содержатся в труде «Генофонд Европы» [2]. Непосредственно же по проблематике, рассматриваемой в данной статье, О. П. Балановским в соавторстве с Н. В. Маркиной были опубликованы две работы [3; 4]. Попутно отметим, что благодаря усилиям и генетиков, и представителей других наук с 2015 г. довольно успешно функционирует сайт «Генофонд РФ», или, в несколько другом написании, «Генофонд.рф» как «синтез наук об этногенезе» [5] (об этногенезе самых разных народов, а не только народов, проживающих на территории Российской Федерации), выгодно отличающийся от многих иных подобных сайтов высоким уровнем научности как публикаций, так и в целом плодотворных дискуссий.

Используемые в рамках популяционной генетики методы, применение которых находит практическую реализацию в результатах исследований, вполне можно охарактеризовать в качестве инновационных для изучения этногенеза и не только потому, что они относительно новые. Самое существенное – это то обстоятельство, что с их помощью предполагается установление родовой преемственности между человеческими популяциями, в рассматриваемом нами случае, между популяциями гипотетических предков славян и самими историческими славянами. А это значит, что для этих самых гипотетических предков, которых, в первую очередь, археологи, видели и видят в самых различных сообществах, популяционная генетика, образно говоря, предоставляет шанс избавиться от гипотетичности и доказать своё реальное биологическое «отцовство или материнство» в отношении ранних славян, равно как и опровергнуть родственные связи.

Опять же, по нашим наблюдениям, потенциал популяционной генетики был принят «на ура» околонучной общественностью (сразу же при этом заметим, что в данном случае термин «околонучная общественность» не несёт в себе негативного оттенка семантики – здесь просто констатируется тот факт, что проблемами науки могут интересоваться люди с разной степенью компетентности, для которых овладение основами научных знаний на любительском уровне является не более чем увлечением, своего рода хобби, приносящим немалое удовольствие). Разумеется, речь в рассматриваемом контексте идёт об Интернет-пространстве, столь же разношерстном, сколь и необъятном и открытом для дискуссий разной степени интеллектуальной наполненности, как полезных, так иногда и бессодержательных.

Вряд ли нужно в данной статье перечислять порталы и сайты, на которых представители этой околонучной общественности ведут свои дискуссии, не лишённые определённой доли интереса для специалистов хотя бы в смысле мониторинга обратной связи между деятельностью учёных и восприятием этой деятельности частью общества, представленного пользователями. Лучше поискать ответ на вопрос: а почему, собственно говоря, внедрение методов популяционной генетики в исследование происхождения славян вызвало такой энтузиазм, в своеобразной форме реализовавшийся на просторах Интернета?

На наш субъективный взгляд, дело в том, что в потенциале популяционной генетики многие из участников дискуссий (повторяем – речь в этом случае идёт не о профессионалах, а о дилетантах) увидели возможность решить основные вопросы славяногенеза чуть ли не раз и навсегда. Среди них, как уже указывалось в одной нашей работе, локализация прародины славян, определение их первичного преобладающего антропологического типа, направления миграций, установление степени биологической близости между отдельными славянскими народами и степени такой же близости между славянами и неславянскими народами, соотношение гомогенности и гетерогенности в процессе происхождения того или иного славянского этноса [6, с. 113].

По-видимому, данная область науки притягивает конкретностью собственных выводов, так сказать, материальностью аргументов и доказательств, ибо гены материальны, меньшей долей гипотетичности и интерпретаций в научно-теоретических построениях. Ведь исследование происхождения славян – это всегда поиск предков, а кто из них конкретнее биологических предков? Страницы соответствующих сайтов буквально испещрены терминами «ДНК-маркер», «кластер», «гаплогруппа» (в новой редакции термина – «Y-хромосомная группа»), митохондриальная ДНК, «прохождение через бутылочное горлышко», «эффект основателя», «генетический дрейф» и тому подобными. Иногда удивительно, насколько публика, в массе своей, наверное, не имеющая специального биологического образования, охотно и зачастую безапелляционно оперирует данными терминами, каждый из которых требует понимания поглубже поверхностного.

Как относится к подобному интересу, в некоторых случаях приобретающего форму ажиотажа? С одной стороны, это предпочтительнее чем если бы околонучная общественность выводила славян от гипербореев или, скажем, от этрусков. Всё ж таки, интересуясь достижениями популяционной генетики, дилетанты находятся в рамках научного дискурса. С другой стороны, вряд ли они способны овладеть основами популяционной генетики – ведь усвоение на уровне понимания биологической преемственности мужской линии предков (имеется ввиду фактор Y-хромосомной группы) является, конечно же, недостаточным для подобного овладения.

Мы бы не отвели столько места в тексте статьи на рассуждения о взглядах любителей популяционной генетики, если бы не констатировали факт более быстрого, хотя и сомнительного по качеству и глубине освоения достижений данной научной дисциплины именно дилетантами (более быстрого по сравнению с представителями академической науки – разумеется, речь здесь идёт не об антропологах и генетиках, а об историках, археологах, лингвистах, этнологах, разрабатывающих проблему славянского этногенеза). Впрочем, мы абсолютно далеки от того, чтобы ставить это кому-нибудь в упрек. В данном случае сказывается, во-первых, фактор времени – поскольку популяционная генетика, по меркам истории науки, – дисциплина очень молодая, даже юная, то её просто еще не успели освоить представители иных наук, и, видимо, не следует ждать её быстрого освоения в ближайшем будущем.

Во-вторых, понятное дело, имеет место междисциплинарный барьер между гуманитариями и биологами и на когнитивном, и на психологическом уровне. По сути дела, представители социально-гуманитарных наук только могут расположить информацию, получаемую в рамках популяционной генетики, на условной шкале «верю – не верю», ибо для восприятия во всей полноте наработок генетиков гуманитариям просто не хватает знаний. А это является препятствием для успешной инкорпорации сведений популяционной генетики в общий контекст славяноведения [6, с. 113].

В-третьих, научная академическая традиция вообще-то консервативна. В её рамках не приветствуются сенсации, особенно если речь идёт о сложнейшей в различных отношениях научной проблеме, такой, как происхождение славян. Вопросу о том, как «вписать» наработки генетиков в общую картину славяногенеза, еще, наверное, значительное время суждено быть актуальным. И здесь главная методологическая проблема – обеспечение хотя бы относительной корреляции между этими наработками и достижениями, прежде всего, археологии, поскольку и в её рамках, и в рамках популяционной генетики, рассматриваются демографические процессы, те же миграции, например.

Вот почему в рамках вышеупомянутой академической традиции, если, разумеется, не вести речь о собственно научно-генетической традиции, пока что преобладает установка на осторожность, на этакое методологическое сомнение. Пожалуй, из серьёзных и ответственных ученых, занимающихся актуальными вопросами славяногенеза, только белорусский историк В. Л. Носевич старается достаточно активно и плодотворно привлекать данные популяционной генетики для верификации тех или иных научно-теоретических положений в рамках рассматриваемой проблематики [7] (впрочем, допускаем тот факт, что в самое последнее время этим заинтересовались и другие исследователи в рамках академического дискурса). В частности, анализ генофонда южных славян, прежде всего, ветвей Y-хромосомной группы I2a, позволил ему сделать следующие выводы, представляющиеся нам наиболее весомыми, хотя и сформулированные автором с надлежащей долей научной осмотрительности и ответственности:

1) распространение кластера I2a-CTS10228 данной Y-хромосомной группы в регионе связано с распространением латенизированных археологических культур (как известно, носителями собственно латенской культуры являлись кельты);

2) «одним из непосредственных генетических предков славян была популяция, испытавшая в римское время относительно активный рост, причем две группы ее потомков влились в состав славян разными путями»;

3) скорее всего, в этногенезе славян участвовало «фракийское население Карпатской котловины и северо-восточных склонов Карпат»;

4) возможно, роль в славянизации Балкан, которую сыграли выходцы из ареала Пражской археологической культуры, традиционно считающейся базовой для склавинов-славян, была не такой большой по сравнению с выходцами из ареала Пеньковской археологической культуры, ассоциируемой с антами письменных источников, и с представителями археологической культуры Ипотешть–Кындешть–Чурел, возникшей в результате взаимодействия носителей Пражской и Пеньковской культуры;

5) склавинов письменных источников (или склавенев, как предпочитает называть их автор) с достаточной долей вероятности можно отождествить именно с представителями культуры Ипотешть–Кындешть–Чурел [7].

Данные выводы, если подтвердятся их правомерность, могут внести существенные коррективы в наши представления о той фазе этногенеза славян, когда они, выйдя на Дунай, стали известны Иордану, Прокопию Кесарийскому, а также другим авторам [8, с. 98—399]. Если такое произойдёт, то это станет примером вклада популяционной генетики в создание общей картины происхождения славян и успешной адаптации информации биологического характера к научно-историческому дискурсу. Впрочем, не будем торопить события – ведь, повторимся, относительно данного дискурса популяционная генетика еще только «набирает обороты».

Вместе с тем, следует указать на своеобразные «подводные камни», которые поджидают ученого на пути отмеченной выше адаптации. Всё же биологический характер популяционной генетики ограничивает её возможности в изучении этногенеза (любого, не обязательно славянского), ибо последний – процесс в значительно большей степени социально-исторический, чем биологический, и данный фактор надо учитывать в первую очередь.

Эти «подводные камни» проявляются даже на социальном микроуровне, скажем, на уровне семьи, не говоря уж о больших человеческих общностях. Не будем забывать о таком факторе, как усыновление/удочерение. А ведь его действие нарушает биологическую преемственность между поколениями, разводя в разные стороны природный и социальный факторы. Подобную роль могут сыграть также банальный адюльтер или право первой брачной ночи.

Если же вести речь о более крупных социумах, то они, в условиях не изолированного, а достаточно открытого географического пространства чрезвычайно редко бывают гомогенными по происхождению. Их гетерогенность, в общем-то, не является особым затруднением для популяционной генетики, и комплекс общих знаний о генофонде первых славян уже сформирован усилиями специалистов соответствующего профиля. Однако у представителей популяционной генетики возникает проблема, схожая с проблемой языковедов-компаративистов – и тем, и другим зачастую очень сложно установить хронологию изучаемых ими процессов.

Дело в том, что генетики опираются на данные, полученные в результате анализа вариантов ДНК, бытующих у популяций, составляющих современное население. Считается, что сельские популяции устойчивы и консервативны с рассматриваемой точки зрения, и они в значительной степени отражают предыдущее состояние,

присущее прошедшим историческим периодам. Но всё равно за тысячелетия много воды утекло, и разобраться, каким историческим событиям обязаны своим происхождением и распространением те или иные генетические феномены, весьма сложно. Краниологического материала, который можно относительно уверенно датировать (и то далеко не во всех случаях), обычно явно не хватает для формулирования конкретных выводов по причине фрагментарности этого материала (как тут не вспомнить о кремации, широко применявшейся первыми славянами и создающей ощутимые неудобства археологам, а теперь и генетикам).

Однако главное не в этом, а в том, что биологическая, социальная и культурная преемственность, образно выражаясь, ходят разными дорогами. К примеру, переход изначально неславянского населения на славянский язык (особенно это было характерно для Балканского полуострова) никак не зависел от сочетания Y-хромосомных групп. Формирование этнической идентичности могло, конечно, иметь связь с родом-племенем (родственники – значит, свои, а остальные – значит, чужие), но более вероятно действие политического фактора, когда доминирующая группа навязывала свою идентичность подчинённым (пример – формирование болгарского этноса, впрочем, надо признать, что бывало по-разному в отношении иных славянских этносов).

Разумеется, некоторый скепсис нашедший отражение в нескольких предыдущих абзацах нашей работы, вовсе не означает недоверия к методам популяционной генетики. И в этой связи уместно показать перспективы использования этих методов в процессе поиска ответов на актуальные вопросы этногенеза славян.

Среди этих вопросов мы бы на первое место поставили «балто-славянскую проблему». Каждый из трёх вариантов её решения (балты и славяне – изначально носители самых близких по родству диалектов праиндоевропейского языка; эта близость в большей степени ареальная, а не генеалогическая; праславянский язык «отпочковался» от одного из балтских, иными словами, было время, когда балты существовали, а славяне – еще нет) вполне может найти аргументы «за» или аргументы «против» с помощью данных методов.

Перспективным также является решение вопроса о наличии в славянских языках так называемого центральноевропейского суперстрата и, соответственно, такого же суперстрата в гипотетическом праславянском (венедском?) этносе. Откуда и при каких обстоятельствах он появился? Какова здесь роль бастарнов? Анализ различных генетических фактов может прояснить суть дела.

Желательно было бы, чтобы популяционная генетика внесла свой вклад также и в решение вопроса об удельных долях склавинов и антов в этногенезе славян. Вот только неясно, по силам ли ей это, поскольку как определить, кто из нынешних славян является потомком склавинов, а кто – антов?

Ну и, пожалуй, главный вопрос: каким образом объяснить взрывообразный характер расселения славян на необъятных просторах Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы? Ведь это в своём роде уникальное явление в этнической истории Европы. Наверное, без помощи популяционной генетики здесь никак не обойтись.

Подводя итоги, необходимо отметить, что потенциал популяционной генетики в контексте проблемы происхождения славян действительно велик, несмотря на определённые вопросы методологического характера. Видимо, всех своих возможностей представительница данной науки и сами ещё до конца не осознали. Однако налицо наметившаяся с начала XX в. тенденция к увеличению значения популяционной генетики в рассматриваемом контексте. Вряд ли следует надеяться на то, что она сыграет роль «палочки-выручалочки» во всех случаях, но свой веское слово она обязательно скажет.

Также можно высказать надежду на то, что вполне объяснимый ментальный барьер между гуманитариями и генетиками не помешает их конструктивному взаимодействию. Конечно же, освоение историками, археологами, лингвистами, этнологами соответствующей информации произойдёт не сразу и не вдруг, но будет расти понимание, что без привлечения данных популяционной генетики исследования в области славянского этногенеза попросту будет не хватать целостности и убедительности. И это понимание станет основой плодотворных междисциплинарных контактов.

1. Алексеева, Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии / Т. И. Алексеева. — Москва: Издательство МГУ, 1973. — 332 с.
2. Балановский, О. П. Генофонд Европы. / О. П. Балановский — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. — 354 с.
3. Балановский, О., Маркина, Н. Как складывался генофонд славян и балтов. Реконструкция генетической и лингвистической истории балто-славянских популяций [Электронный ресурс] / О. Балановский, Н. Маркина — Режим доступа : http://генофонд.рф/?page_id=4440. — Дата доступа : 16.08.2019.
4. Балановский, О., Маркина, Н. Генофонд славян – единство в многообразии. Реконструкция генетической и лингвистической истории балто-славянских популяций (краткий вариант текста) [Электронный ресурс] / О. Балановский, Н. Маркина — Режим доступа : http://генофонд.рф/?page_id=4507. — Дата доступа : 16.08.2019.
5. Генофонд РФ — Режим доступа : <http://генофонд.рф/>. — Дата доступа : 16.08.2019.
6. Литвинский, А. В. Междисциплинарность как принцип исследования этногенеза славян: основные позиции в историографии конца XX – начала XXI века / Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арг., прысвеч. 80-год. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-год. гіст. адукацыі ў Гродзен. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы. У 2 ч. Ч. 1. / ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кігурка (гал. рэд.). [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2019 – С. 111—115.
7. Носевич, В. Л. Междисциплинарный подход к проблеме происхождения славян: новые перспективы (2017) [Электронный ресурс] / В. Л. Носевич // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэднявечных старажытнасцяў на тэрыторыі Беларусі (памяці Таццяны Мікалаеўны Каробушкінай) / Навук. рэд.:

А. М. Мядзведзеў. — Вып. 28. — Мінск: «Беларуская навука», 2017. — С. 48—60. — Режим доступа : <http://vln.by/node/272> . — Дата доступа : 22.04.2023.

8. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I—VI вв.). Изд., 2-е, испр. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 472 с.: карты.